

УДК 94:82-94](100)«1914/1918»

А. А. Газизова

Московский педагогический государственный университет

НЕИЗВЕСТНЫЕ СОЛДАТЫ В РАССКАЗАХ И. С. ШМЕЛЁВА 1914–1918 гг.

*Человек человеку – философ
И. П. Смирнов [11]*

І. С. Шмельов не був письменником побуту, але й не був і баталістом, майстром історичної прози, він не мав військового досвіду. Інтелектуальна та художня сила його виявилась в оригінальному та самобутньому відображенні подій Першої світової війни та ролі російського солдата в них. Він втілює ідею солдата, його духовний субстрат, що стикається з невидимою реальністю, «воїна-філософа».

Ключові слова: І. С. Шмельов, Перша світова війна, оповідання, вінок невідомому солдату.

И. С. Шмельёв не был бытописателем, но не был и баталистом, мастером исторической прозы, у него не было военного опыта. Интеллектуальная и художественная сила его выразилась в оригинальном и самобытном отображении событий Первой мировой войны и роли русского солдата в них. Он воплотил идею солдата, его духовный субстрат, соприкасающийся с невидимой реальностью, «воина-философа».

Ключевые слова: И. С. Шмельёв, Первая мировая война, рассказы, венок неизвестному солдату.

I. S. Šmeljov war kein Darsteller des Alltags, doch war er auch kein «Schlachtendichter» und kein Meister der Historienprosa. Er hatte einfach keine Kriegserfahrung. Die intellektuelle und künstlerische Kraft des Schriftstellers kam in der originellen und sehr persönlichen Darstellung der Ereignisse des Ersten Weltkrieges und der Rolle des russischen Soldaten in diesen Ereignissen. Er schuf das Bild eines Soldaten, dessen geistiges Substrat mit der unsichtbaren Realität eines im Kriegsdienst stehenden Philosophen in Berührung kommt.

Schlagwörter: I. S. Šmeljov, Erster Weltkrieg, Erzählungen, Kranz für einen unbekanntem Soldaten.

Many countries have a Tomb of Unknown Soldier. Europe saw the appearance of the memorials in 1920 when the soldier killed in France was reburied in

Westminster Abbey, London on 11 November. There was an epitaph on his grave: «A Soldier of the Great War known unto God».

The first Eternal Flame was lit on the Tomb of Unknown Soldier at the Arc de Triomphe in France on 28 January 1921. An epitaph states «Here lies a French soldier who died for the fatherland 1914–1918». The United States of America was the third country in the world with a Tomb of the Unknowns installed. It was a burial of an unidentified American serviceman, killed in France, under the inscription «Here Rests In Honored Glory An American Soldier Known But To God».

The USSR opened a first memorial The Tomb of Unknown Soldier on 8 May 1967 in the Alexander Garden at the Kremlin Wall in Moscow. It has the remains of the unknown soldier who was killed in the Battle of Moscow and initially buried in a mass grave. The Eternal Flame was transported from the Field of Mars, Leningrad. And there is a direct address to the Unknown Soldier stating «Your name is unknown, your deed is immortal».

It is vital to distinguish and consider a religious and philosophical meaning in an ambiguous notion of «unknown soldier», which is over-official and more than common. Russian theologians and philosophers believe that a soldier defends a Truth, being universe, while his is fighting. Thus, he is «united with Christ» in his sacrifice. Religious interpretation of a cosmic self-sacrifice made by a Russian soldier in battle was peculiar to Ivan Shmelyov.

He was one of those who perceived the world catastrophe with a grief intensified by personal anxiety. His son, who was a student of Moscow University, went to the front as a member of artillery, spent two years (1916–1917) fighting at the German front, poisoned with the enemy gas he came back home crippled. Being an artist, Ivan Sergeyevich sublimed his thoughts, observations and anxiety and turned them into a verbal art, aesthetically transforming them, thus, forming a garland to a Russian soldier of World War I. No one can feel more sorrow than that caused by the fact that Shmelyov's great epic idea failed to be implemented in life. A novel titled «Soldiers» was «to embrace the unembraceable», but had never been completed. (Russian culture of the 20th century is characterized by the incompleteness of the great ideas. For example, Pavel Korin's picture «Farewell to Rus» is close in an axiological sense to Shmelyov's ideas). The writer had made a lot of attempts to work out the novel «Soldiers». Since 1914 he had been writing, gathering and publishing the material – essays, novelettes, short stories, articles, interviews (recorded by the interlocutors), which contributed to the volumes in the collected works. Taken together they show the way in which the author collected the flowers to the metaphorical garland, giving different preference from year to year.

Keywords: I. S. Shmelyov, World War I, short stories, a wreath to the unknown warrior.

Анна Андреевна Ахматова говорила, что двадцатый век нужно исчислять не с 1900 г.: «XX век начался осенью 1914 года вместе с войной, так же как XIX век начался Венским конгрессом. Календар-

ные даты значения не имеют» [1, с. 248]. И столетие начала Первой мировой войны в «веке необычайном» (Н. Глазков)¹ – тоже событие всечеловеческой истории.

Современные философы считают Первую мировую войну (1914–1918) фундаментальной и феноменальной (Мераб Мамардашвили) [9, с. 393], в ней участвовали тридцать пять стран, миллионы воинов погибли. Останки более тринадцати миллионов погибших не были или не могли быть опознаны [12, с. 233–257], и понятие «неизвестный солдат» стало их символом.

Во многих странах мира есть Могила Неизвестного Солдата. По слову О. Э. Мандельштама:

<...>И в своей знаменитой могиле

Неизвестный положен солдат [10, с. 487].

Мемориалы появились в Европе в 1920 г.: 11 ноября был перезахоронен в Лондоне, в Вестминстерском аббатстве английский солдат, погибший во Франции. На его могиле – надпись: «Солдат Великой войны, его имя известно только Богу».

Вечный Огонь впервые в мире был зажжен 28 января 1921 г. под Триумфальной аркой в Париже – на Могиле Неизвестного Солдата. Надпись гласит: «Здесь лежит французский солдат, который погиб за Отечество в 1914–1918 гг.». США стали третьей страной мира, где появилась могила Неизвестного Солдата, перезахоронен был безымянный солдат, также погибший во Франции: «Здесь покоится в славе американский солдат, имя которого неизвестно никому, кроме Бога», – гласит надпись.

В СССР первый мемориал с названием «Могила Неизвестного Солдата» был открыт в Москве 8 мая 1967 г., около Кремлевской стены, в Александровском саду. В ней перезахоронен неизвестный солдат из братской могилы павших у деревни Крюково при защите Москвы. Вечный Огонь доставили из Ленинграда, с Марсова поля. В надписи – прямое обращение к Неизвестному Солдату, на «ты»: «Имя твое неизвестно, подвиг твой бессмертен».

Очень важно в многозначном понятии «неизвестный солдат» проявлять и учитывать его религиозно-философский смысл – «поверх официального» и общепринятого, обиходного. По мысли русских богословов и философов, солдат, воюя, отстаивает Истину, универ-

¹ «<...> Век двадцатый – век необычайный.

Чем столетье интересней для историка,

Тем для современника печальней» [4, с. 631].

сум, «объединяется с Христом» (С. Н. Булгаков), ради них жертвует собой. Именно этот смысл обнаруживает исследователь Л. Л. Горелик в поэтическом цикле О. Э. Мандельштама «Стихи о неизвестном солдате» [10, с. 287–290], созданном в 1937 г., в преддверии Второй мировой войны: «Неизвестный солдат – обобщённый образ обречённого на жизненную борьбу и гибель человека <...> получает какую-то важную роль во Вселенной. Эта роль связана со смертью <...> неизвестного солдата», в чём поэт, считает исследователь, опирался «не только на Евангелие от Иоанна, но ещё более <...> на Деяния Апостолов и, особенно, На Вторую Книгу Царств», где впервые выразилась идея бессмертия, обещание погибшим Дома Бога [5, с. 14, 16]. Религиозное понимание космичной жертвенности воюющего русского солдата было свойственно и И. С. Шмелёву.

Он был среди тех, кто воспринимал случившуюся общемировую катастрофу с печалью, усиленную личными переживаниями: его сын – студент Московского университета – ушёл на фронт с артиллерийской бригадой, воевал в 1916–1917 гг. на немецком фронте, был отравлен газом, применённым противником, и вернулся домой – покалеченным. Иван Сергеевич, будучи художником, сублимировал свои размышления, наблюдения и переживания, переплавил их в словесном искусстве, эстетически перевоплотил, сплетая венки русскому воину Первой мировой войны. Никогда не избавиться от сожалений, что замысел большой эпопейной книги Шмелёву не удалось воплотить. Роман «Солдаты» «должен был объять необъятное» и не был дописан. (В русской культуре XX века недооволощённых величественных замыслов осталось немало. Например, живописное полотно Павла Корина «Русь уходящая», аксиологически близкое Шмелёву). Подступов к роману «Солдаты» в неустанной многолетней работе было у писателя немало. С 1914 г. и до конца жизни накапливался, прописывался, издавался подготовительный материал: и очерки, и повести, и рассказы, и публицистика, и прямые устные высказывания (зафиксированы собеседниками), – составившие тома в Собраниях сочинений. Сложенные вместе, они показывают, как писатель подбирал цветы к метафорическому венку, какие из них предпочитал в разные годы.

Он не был бытописателем, но не был и мастером исторической прозы, и баталистом, у него не было военного опыта. Интеллектуальная и художественная сила его выразилась в оригинальной и самобытной манере осмысливать и изображать как события Первой мировой войны, так и роль воюющего русского человека – солдата по пре-

имуществу. Если «душой времени была война» (по слову Б. Л. Пастернака), то олицетворять и время, и его душу суждено было именно солдату. Причём солдат для Ивана Сергеевича – не мелкая разменная монета (*soldus*; *solidus*; *soldo* значатся в латинском и итальянском языках). Прямой иноязычный смысл для него – не главный, он предпочитал широкое значение слова «солдат» – по Владимиру Ивановичу Далю. Сказано в его словарной статье, что солдатом называют «рядового воина»; в переносном значении – это «служивый», «казённый человек», посвятивший себя служению идее, долгу; возвышенный его смысл подкреплён поговорками: «промеж неба на земле» служит Богу»; «Солдат и на том свете в воинстве Христовом служит» [5, с. 264]; «Солдат – Богу свеча<...>» [6, с. 265].

Широкое, далевское толкование слова «солдат» вполне выразилось в шмелёвском рассказе «Солдат Кузьма (Из детских воспоминаний приятеля). Банного парильщика Кузьму Петровича нередко называют Солдатом, и это слово пишется в рассказе с большой буквы, чему есть все основания. Храбрец из храбрецов, молодой Солдат Кузьма отличился на Крымской войне, и, уже будучи пожилым, добровольцем отправился на войну с турками, вернулся с тремя крестами и раной в ногу. В его скромной, безвестной жизни идеально сочетались воинская сила, духовное благородство с непоказным «тихим подвижничеством»: «И много лет мало кому известный, только в большие праздники надевавший свои кресты, знаки незаметного геройства, нёс он малопочётную должность парильщика при банях» [13, с. 288]. И умер бездомный Солдат в военной богадельне, своей одинокой смертью подтверждая, что и доблестный героизм, и духовное подвижничество были проявлением глубинного религиозного духа в нём.

Так и понимали идею героизма русские религиозные философы. С. Н. Булгаков (1871–1944) посвятил ей специальное сочинение «Героизм и подвижничество («Из размышлений о религиозных идеалах русской интеллигенции», 1909). Отрицая и порицая показное внешнее геройство революционеров, он усматривал высшее проявление героизма в многотерпеливом и безвестном служении людям и Богу – в деятельном подвижничестве каждого. Под истинным, «вполне реальным» подвигом обыкновенного человека он подразумевал «внутреннее и незримое, но неуклонное исполнение своего долга. «Свободный духовный подвиг» означал для него борьбу с «самостью», «своеволием», с «самообожением» [3, с. 142–149], что предполагает немалую силу духа и готовность погибнуть в неизвестности.

И. С. Шмелёв признавал силу духа в солдате, она ему свойственна, и он ею обладает, поэтому каждый сильный духом мог счесть себя солдатом. Есть у него прямое высказывание на этот счёт – в интервью 1932 г., когда пояснял замысел романа «Солдаты»: «Мои солдаты не только военные, я к ним в будущем причислю вообще всех тех, кто стоит за свою идею: журналистов, писателей, общественных деятелей и просто сильных духом русских людей». Можно заметить ассоциативную близость с размышлениями О. Э. Мандельштама о метафизическом призвании солдата, если обратиться к точной интерпретации «Стихов о неизвестном солдате», предложенном Л. Л. Горелик: «Неизвестный солдат <...> – обыкновенный человек «всех времён и народов» <...>, любой человек перед Богом, так как любой человек осуждён на участие в жизненной борьбе и гибель» [5, с. 17]. Добавим к этому, что поэт причислял себя к неизвестным солдатам.

Внимательное, медленное чтение шмелёвских рассказов заставляет задумываться над неожиданными, удивительными и яркими словами, фразами, метафорами, символами, которые побуждают к религиозно-философскому восприятию образа солдата. Например, такая «крохотка», микротекст: юный воюющий сын заверяет родителей в письме, что во всём следует их советам и наставлениям, сражается честно, и заканчивает поклонами «от самого светлого моего лица до чёрной земли». Поразительно, как прочерчивается в простонародной речи персоналистская вертикаль: склоняя лицо своё – «самое светлое» от Света Божьего лика, – «до чёрной земли», сын клянётся в жертвенной верности отцу и матери, родине небесной и родине земной. А солдат зрелого возраста (рассказ «Развязка») кается в письме матери и жене за пьянство с рукоприкладством в довоенной жизни: «Молитесь обо мне». Солдатские письма в рассказах Шмелёва говорят о духовной высоте солдатского покаяния, милосердия, молитвы. «Солдат домой пишет, поминать велит», – запечатлено и в далековском словаре [6, с. 264].

Один из исследователей, анализируя русскую литературу периода Первой мировой войны [7], высказал мысль, что писатели, изображая воюющего рядового, сосредоточили внимание не на боевых, героических свойствах и воинском мастерстве, а на его душевных качествах и человечности; в понятии «человек с ружьём» акцентировалось слово «человек», что влекло за собой такое уточнение смысла: «человек, оказавшийся с ружьём». Следовательно, по суждению А. И. Иванова, изображался не солдат, осознающий себя воином, несущий бремя воинского долга, а – некий человек, попавший в окоп,

на поле сражения, где проявлял себя прежде всего как человек, а не солдат. Шмелёвская философия и метафизика войны не предполагают такой иерархии и такого противопоставления.

Повторим: по объективным причинам Шмелёв не изображал человека на войне, как и человека с ружьём, воина на поле сражения; в его рассказах он находится вне фронтовой стихии боёв и подвигов, окопного быта, мы видим его до войны, после войны, в госпитале, в отпуске, на побывке в деревне – по разным причинам. При этом принадлежность свою к солдатству он осознаёт, долг перед живыми и мёртвыми готов выполнить: «Война для него – не подвиг и не игра и, пожалуй, даже не зло. Страшно важное, страшно трудное дело. Сделать его нужно – не отвернёшься. Но нельзя и забыть своё, здешнее» («Под избой») [12, с. 402]. Идя воевать впервые или возвращаясь на фронт после ранения или отпуска, шмелёвские солдаты понимают или знают, что идут на смерть, что будут убиты: они особым образом прощаются, завещают имущество, поручают и близким, и далёким позаботиться о своей семье, обо всей родне, даже о не успевших родиться детях (рассказ «История», например).

Лев Александрович Аннинский заметил, что Л. Н. Толстой впервые в художественной литературе изобразил тех, кто идёт воевать и знает, что будет убит, что не вернётся. И. С. Шмелёв продолжил толстовскую линию в изображении мобилизованных мужиков, а их называли «под косу, всех» [13, с. 308]. Обратившись в солдат, они понимают, что обречены на смерть за Веру, Царя и Отечество. Созданные автором ярчайшие картины деревенских проводов погружают в психологическое состояние уходящих на войну, в их переживания, нелёгкие размышления. При переходе из крестьян в солдаты, на границе между привычной и смертельно опасной жизнью шмелёвские мужики не только испытывают новые чувства, но и много, напряжённо думают, превращаясь в «воинов-философов» (понятие И. П. Смирнова). Солдат был интересен Шмелёву в той пространственно-временной точке, когда он философствовал, вёл интеллектуальный диалог, осмысливал эпоху катастрофических перемен и свою готовность к самоизменениям («Лик скрытый»). Незримым, внутренним движением мысли шмелёвский солдат проявляет духовную свободу, склонность в эмпирическом опыте военных лет усмотреть высший бытийный смысл: «Крепко и глубоко зацепила невидная война. Со стороны будто и не так заметно: тянется привычная жизнь <...> А если взглядеться...» («Оборот жизни») [13, с. 219]; «За немцев до-

садно! Механики ... даже первые в мире социал-демократы... пако-
стят свою жизнь злобой и жадностью...» («Чего ждёт земля: Суд Со-
ломона» [13, с. 231]. ; «И победим – всё равно шею подставляй, пото-
му мы не люди, не образованные, измывайся, лупи, как тебе угодно»;
«Может, через эту войну всё увидим... подведём баланцы» («Прав-
да дяди Семёна»).

Заметим, что большинство рассказов 1914–1918 гг. заканчива-
ются мыслями и вопросами мужиков, которые порождены военным
временем, но обращены к вечности и остаются без ответов: «– Ну
когда же предел будет, а? Так никто и не знает? <...> Один только
Господь знает...» («Правда дяди Семёна»). В финале «Поездки» де-
ревенский податной разглядывает небо: « И сколько веков эта звезда
смотрит, а под ней скрипит и скрипит (идут по зимней стуже обозы).
И для чего всё? А звёзды для чего?». В финале рассказа «На боль-
шой дороге» появляется из тьмы и во тьме растворяется потерявший
сына безымянный мужик (сын убит на фронте): «Что ж теперь?» –
спросил он тёмное поле» и пошёл, не разбирая дороги, «из колеи в
лужу». А до него так же шли парни и «кричали песню». «Что-то ме-
тафизическое» [12, с. 109] в устрашающем будущем уловлено Шме-
лёвым: оно и в безответном вопрошании осиротевшего мужика, и в
беспросветном бездорожье, и в безоглядном движении по нему под
пьяную песню.

И. С. Шмелёв умело проявлял неведомый лик скрытой крестьян-
ской жизни и показал, что деревенский мужик в своём ратном деле –
философичен. Он сосредоточился на изображении думающего сол-
дата и в этом не противоречил русским философам [11, с. 245]. Для
его солдата главным делом (до, после или без военных действий) ста-
новилось – думание о военной ситуации в глобальном, универсаль-
ном плане, осознание своей роли на войне и отыскание своего места
в мироздании. Не воюющий, а мыслящий, совершающий усилие со-
знания в духовном постижении мироустройства, самого себя, своего
социального положения, шмелёвский солдат – безусловное художе-
ственное открытие в литературе XX века. Он олицетворяет идею сол-
дата, его духовный субстрат, отклик на зов Сущего, «единный куль-
турный тип», «абсолют», соприкасающийся с высшей, невидимой
реальностью.

Что касается определений «безымянный», «неизвестный», то они
не могли быть близки сознанию И. С. Шмелёва, если им придавал-
ся атеистический, внерелигиозный смысл. Шмелёвскому духу, ко-
нечно, ближе надписи на памятниках героям Первой мировой вой-

ны в Англии, США, где сказано, что имя каждого погибшего воина известно Богу. Есть в Европе и мемориалы, сохраняющие поимённую память о погибших воинах Первой мировой войны: храм-музей в Эдинбургской крепости, часовня на главной городской площади в Вене.

Геройский генерал и известный эмигрантский писатель Пётр Николаевич Краснов (1869–1947) сетовал, что «сотни, тысячи <...> десятки тысяч <...> миллионы» погибших русских воинов лежат после Первой мировой войны безымянными на полях «Восточной Пруссии, Польши, Галиции и Буковины <...> в Карпатских горах, у границы Венгрии <...> в Румынии и Малой Азии <...> в чужой им Франции» [8, с. 13], что солдатские памятники – деревянные кресты – живут недолго: «<...> стоит низкий, почти равноплечный крест, сделанный из двух тонких дубовых жердей. На их скрещении кора снята и плоско застругана. Там химическим карандашом написано... Дожди и снега смыли почти все написанное»; «Крест покосился и уже мало походил на крест... Надпись выцвела и стерлась. Для всех – это была могила неизвестного солдата, мне же она была известна и издали приветствовала меня дорогими словами: “За Веру, Царя и Отечество”» [8, с. 9]. Он считал своим долгом назвать поимённо всех воинов, кого знал, видел в бою, с кем кратко встречался на полях сражений, в госпиталях, в пеших походах: «Во имя всех их <...> на их могилу мне хотелось бы возложить мой скромный венок воспоминаний...» [8, с. 11]. Он выполнил свой долг, написал книгу и назвал её «Венок на могилу неизвестного солдата Императорской Российской армии», 1923.

Своей прозой 1914–1918 гг. И. С. Шмелёв тоже настойчиво и многотерпеливо сплетал венок в память о воинах Первой мировой и тем противостоял болезни человеческого духа – беспомыслению – в самом глубинном смысле слова. Показателен рассказ о церковных поминальных книгах – «У плачущих берёз (Памяти павшего в бою капитана Е. Е. Пиуновского)», 1915. Повествователь идёт в деревенскую часовенку, чтобы именно здесь вписать в поминальную книгу убитого на войне друга. Когда-то, будучи мальчиками, они приходили сюда и – бездумно – пошутили, оставив поминальную запись о вымышленных мужиках Сидоре и Тите. «А у нас нет никакого горя. Светла перед нами жизнь» [12, с. 207], – уверены были они. Но пришла война, убит друг, и возмужавший в горе повествователь хочет в той, старой поминальной книге оставить запись о нём, но тех поминальных книг уже нет: «Нарушены», – отвечает монах. Какое ём-

кое слово! Мы ведь так и говорим о болезни беспамятства: «Нарушена память».

В финальном лирическом слове повествователя трагическая нота невозвратимой утраты «убиенных воинов» усилена мощным суждением о всеобщем разрушении связи времён и поколений: «Они **рушатся** час за часом, неведомые <...> и **рушатся** с ними жизни поколений» [12, с. 207]. (Выделено мной – А. Г.). Но человеческому разрушительному беспамятству противостоит, по мысли автора, – природа. Он наградил повествователя духовным зрением и слухом, чтобы он увидел в «плакучих берёзах по дорогам» символические колокольни и услышал их погребальный звон: «По тебе они уже отзвонили, товарищ детства» [12, с. 209]. Плакучим берёзам суждено преодолеть беспамятство, звонить и по «новой страшной численности» погибших солдат.

Неизвестный Солдат в шмелёвских рассказах – не один из многих, а Тот, Самый, Ты, Он, Каждый, подтвердивший своё право на собственное имя, дарованное писателем: денщик Жуков, плотник Мирон, работник Максим, Семён Николаич Кубарев, Михайла Семёныч Орешкин, Мишка-солдат, Стёжкин, Андрон, Павел, офицеры Е. Е. Пиуновский, Сушкин, Шеметов, Жданов, Солдат Кузьма. По праву творца И. С. Шмелёв давал героям и персонажам имена, поступки, мысли, чувство и речь, проявлял их героизм на поле сражения и подвижничество невидимого духовного служения в миру. И мы знаем, что вечная память о них сохранится в Слове:

Молчат гробницы, мумии и кости, –
Лишь слову жизнь дана:
Из древней тьмы, на мировом погосте,
Звучат лишь Письмена (1915) [2, с.47].

Библиографические ссылки

1. *Ахматова А. А.* Автобиографическая проза (очерки, заметки, дневниковые записи) / А. А. Ахматова // Сочинения в двух томах. – Т. 2. – М : Художеств. л-ра, 1986. – С. 236–248.
2. *Бунин И. А.* Слово / И. А. Бунин // Мистраль : Избранная лирика. – М. : Прогресс-Плеяда, 2010. – 80 с.
3. *Булгаков С. Н.* Героизм и подвижничество (Из размышлений о религиозных идеалах русской интеллигенции) / С. Н. Булгаков. – М. : Русская книга, 1992. – 528 с.

4. *Глазков Н. И.* «Лез всю жизнь в богатыри да в гении...» / Н. И. Глазков // *Строфы века : Антология русской поэзии* / сост. Е.Евтушенко. – М. : Полифакт. Итоги века, 1999. – 1053 с.

5. *Горелик Л. Л.* Отчёт о «правосудии Божиим» в Стихах о неизвестном солдате» Осипа Мандельштама / Л. Л. Горелик. – Смоленск : Смоленск. гос. пед. ун-т, 1998. – 32 с.

6. *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка. – Т. 4 / В. И. Даль. – М. : Русский язык, 1982. – 683 с.

7. *Иванов А. И.* Первая мировая война и русская литература (1914–1919 гг.). – Дисс. ... доктора филол. наук : 10.01.01 / Иванов Анатолий Иванович. – М., 2005. – 225 с.;

8. *Иванов А. И.* Облик русского солдата в отечественной литературе периода Первой мировой войны (1914–1918 гг.) / А. И. Иванов // *Вестн. Самар. гос. ун-та. Гуманит. вып. : Философия. Социол. История. Литературоведение. Унив. жизнь.* – 2005. – № 4. – С. 87–96.

9. *Краснов П. Н.* Венок на могилу неизвестного солдата Императорской Российской армии / П. Н. Краснов. – Джорданвиль : Свято-Троицкий монастырь, 1986. – 55 с.

9. *Мамардашвили М. К.* Вена на заре XX века / М. К. Мамардашвили // *Как я понимаю философию.* – Изд. 2-е. – М. : Изд. группа «Прогресс», 1992. – С. 388–403.

10. *Мандельштам О. Э.* Стихи о неизвестном солдате / О. Э. Мандельштам // «И ты, Москва, сестра моя, легка...» : Стихи, проза, воспоминания, материалы к биографии: Венок Мандельштаму. – М. : Московский рабочий, 1990. – С. 486–490.

11. *Смирнов И. П.* Человек человеку – философ / И. П. Смирнов. – СПб. : Алетейя, 1999. – 369 с.

12. *Шмелёв И. С.* У плакучих берёз (Памяти павшего в бою капитана Е. Е. Пиуновского). Солдат Кузьма (Из детских воспоминаний приятеля). История. Под избой / И. С. Шмелёв // *Собр. соч. : в 12 т. – Т. 4 : 1914–1916. – Рассказы. Пьесы.* – М. : Сибирская Благовонница, 2008. – 574 с.

13. *Шмелёв И. С.*оборот жизни. Чего ждёт земля: Суд Соломона / И. С. Шмелёв // *Собр. соч. : в 12 т. – Т. 5 : 1916–1923. – Рассказы.* – М. : Сибирская Благовонница, 2008. – 446 с.

Надійшла до редколегії 15.11.2014